Alpysbes, M.A. (2021). On the new accents in rethinking the history of the Golden Horde (in the understanding of the unity of the Turkic community). *Rethinking of history: conflict of facts and hypotheses. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal*, *7* (13), 102-135. Hlučín: "Anisiia Tomanek" OSVČ. (in Russian)
Алпысбес, М.А. (2021). О новых акцентах в переосмыслении золотоордынской истории (в понимании единства тюркского сообщества). *Rethinking of history: conflict of facts and hypotheses. Collection of Scientific Articles. European Scientific e-Journal*, *7* (13), 102-135. Hlučín: "Anisiia Tomanek" OSVČ.

DOI: 10.47451/his2021-09-003
EOI: 10.11244/his2021-09-003

The paper is published in Crossref, Internet Archive, Google Scholar, Academic Resource Index ResearchBib, JGate, ISI, CiteFactor, ICI, eLibrary databases.

Makhsat A. Alpysbes
Doctor of History Science
Department of Kazakhstan History
L.N Gumilyov Eurasian National University
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: alpysbes@gmail.com

On the new accents in rethinking the history of the Golden Horde (in the understanding of the unity of the Turkic community)

Abstract:
The article's author undertakes the rethinking of certain interesting facts of the history of Ulug Ulus – the Golden Horde, through the scientific interpretation of the works of Abai, Shakarim, Mashhur Zhusup, and is aimed at analyzing views on the history of Ulug Ulus in the context of the unity of the Turkic peoples. This kind of discussion provides us with an opportunity to present a new vision of this issue, as well as to identify the necessary new accents to the consideration and presentation of the history of the Golden Horde state, to assess its role in the history of the Great Steppe. Research on the history of Ulug Ulus is now in demand by a wide readership and is very relevant. To date, there are many monographic studies, collections of materials, anthologies, scientific articles on the history of the Golden Horde that are popular and well-known among experts. There were publications, articles and books that consider particular and specific issues of the history of the Golden Horde. These works are for the most part works of generalizing nature, contributing to the assimilation of the given material, and their conclusions, comprehension, presentation and explanation of historical facts and events in the history of this state were carried out within the framework of the Soviet historical school. In teaching history, Golden Horde history is most often presented only as a period or stage of history, while in Soviet publications it was most often presented as the process of enslavement of peoples, as a one-sided interpretation, and there was an established name "Tatar-Mongol invasion", "Tatar-Mongol yoke". Nowadays such new concepts as "Turkic-Tatar states", "Turkic state" are sometimes used. Of course, in the conditions of hanging such labels, there could be no question of any objective view of the history of Ulug Ulus. We need the new view of the history of the Turkic peoples, free from prejudices, labels and clichés. As we see it, it is necessary to make a transition from the views and judgments that have developed within the framework of external sources and external historiography to the priority of internal sources and internal historiography. We propose to implement the experience of this kind

of new vision by referring to the historical memory of the carriers and subjects of this history – the Turkic Kazakhs and other Turkic ethnic groups. So, for example, if you delve into the works of pre-revolutionary Kazakh authors, Abai, Shakarim, Mashhur-Zhusup, which were written before the establishment of the dominance of the Soviet paradigm in history, Chingiz Kagan appears to us not as an oppressor, but as a collector of the heritage and lands of the Turkic kagans.

Keywords:
Desht-i Kypchak, Ulug Ulus, Jochi, Batu, Uzbek, Urus-khan, Toktamys, Edige, Mongol-Tatars, Turkic peoples, culture, empire, post-Horde states.

Махсат А. Алпысбес
доктор исторических наук
профессор кафедры
кафедра истории Казахстана
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан
E-mail: alpysbes@gmail.com

О новых акцентах в переосмыслении золотоордынской истории (в понимании единства тюркского сообщества)

Аннотация:
В статье предпринято переосмысление отдельных интересных фактов истории Улуг Улуса – Золотой Орды, посредством научной интерпретации трудов Абая, Шакарима, Машхур Жусупа, и анализ взглядов на вопросы истории Улуг Улуса в контексте единства тюркских народов. Такого рода обсуждение представляет нам возможность для изложения нового видения данного вопроса, а также для выявление необходимых новых акцентов к рассмотрению и изложению истории золотоордынского государства, оценки его роли в истории Великой степи. Исследования по истории Улуг Улуса востребованы сейчас широкой читательской аудиторией и являются очень актуальным. К настоящему моменту существует много популярных в кругу специалистов монографических исследований, сборников материалов, хрестоматий, научных статей по истории Золотой Орды. Были публикации, статьи и книги, которые рассматривают отдельно взятые конкретные вопросы истории Золотой Орды. Эти работы по большей части являются трудами обобщающего характера, способствующего усвоению изложенного материала, а представленные выводы, осмысление, изложение и объяснение исторических фактов и событий истории данного государства были осуществлены в рамках шаблонов советской исторической школы. В преподавании истории золотоордынская история, чаще всего, представляется лишь как период или этап истории, а в советских изданиях оно, чаще всего, представлялось как процесс порабощения народов, как однобокая трактовка, и бытовало утвердившееся наименования «татаро-монгольское нашествие», «татаро-монгольское иго». Теперь же порой используются такие новые понятия как «тюрко-татарские государства», «тюркское государство». Конечно, в условиях навешивания подобных ярлыков, речи о каком-либо объективном взгляде на историю Улуг Улуса быть не могло. Нужен новый, трезвый и свободный от предрассудков, ярлыков, штампов и клише взгляд на историю тюркских

народов. Как нам видится, нужно осуществить переход от взглядов и суждений, сложившихся в рамках внешних источников и внешних историографий на приоритет внутренних источников и внутренней историографии. Опыт такого рода нового видения мы предлагаем осуществить посредством обращения к исторической памяти самих носителей и субъектов этой истории – тюрков-казахов и других тюркских этносов. Так, например, если вникнуть в труды дореволюционных казахских авторов, которые писали до установления господства советской парадигмы в истории, Абая, Шакарима, Машхур-Жусупа, то Чингиз каган предстает нам не в роли угнетателя, а в роли собирателя наследия и земель тюркских каганов.

Ключевые слова:
Дешт-и Кыпчак, Улуг Улус, Джучи, Бату, Узбек, Урус-хан, Токтамыс, Едиге, монголо-татары, тюрки, культура, империя, пост-ордынские государства.

Введение

История – это, прежде всего, свидетельство об основах исторического становления государственности, воссоздающая историческую целостность общества и определяющая направление его развития. История на примере прошлого выявляет преимущества развития общества или его недостатки, которые препятствовали его развитию. История даёт примеры деятельности исторических персон, рассказывает о традиции преемственности государства. Поэтому, изучение золотоордынской истории важно для многих тюркских народов и государств современности, так как многие из них сопричастны с ней исторически, и культурно-генетически. Новые акценты в его изучении будут связаны с тем, что Улуг Улус будет рассматриваться не отчужденным взглядом, а тесно связанным и сугубо преемственным восприятием.

В истории XX века советская идеология, нацелившаяся на уничтожение этнической идентичности, чтобы создать новое советское сообщество, не желала в своё время допускать осмысления и популяризации национальной истории народов, невольно вошедших в состав советского государства. Ясно, что национальная история как память взывает народ к изучению собственных культурных истоков и традиций, чтобы продолжить их и обогатить. История сохраняет этнос от поглощения совершенно другим, чуждым культурным массивом. Поэтому отнюдь не случайно, что национально-освободительное движение казахского народа в начале XX века называлось движение Алаш, ибо Алаш – это символическое имя первопредков, заложивших основы ранней тюркской государственности, и развивших их в последующем, олицетворяет собой образ каганов-единителей и собирателей земель.

Движение Алаш была призвана к воссозданию независимой казахской нации, независимой государственности казахского народа, которая оказалась в период становления мировой системы колониализма, вначале в вассальном положении в отношениях с Российской империей, а затем была полностью аннексирована и превратилась в ее колонию. Однако Россия, ранняя история которой начинается со злополучного Московского государства, некогда сама была вассальным владением Улуг Улуса – Золотой Орды, в числе других, таких же удельных княжеств. А название Алаш непосредственно связано с исторической личностью Чингиз кагана, фигурирующий в исторической памяти казахского народа в качестве Алаша хана. Ибо легенда исторической генеалогии казахского народа прямо восходит к фигуре легендарного Алаша хана, к эпонимам Могол, Татар, Ногай, Узбек, Шейбан, Абулхаир. согласно «*Шежире* тюрков» – «Тюркской истории» Абульгази. Вознамеренный создать российскую империю царизм, был заинтересован затушевать имя тюркской славы, представить интерпретацию ее истории в выгодном для себя свете.

Существует, собственно, восточная, западная историография освещения истории этого государства. Восточная историография характеризуется также как арабо-персидская, тюркская, тимуридская, шейбанидская, мусульманская, а западная представлена исследованиями европейской синологии, тюркологии и монголистики. В исследованиях истории Золотой Орды были представлены много разных материалов по вопросу изучения данной проблемы как художественных, научно-популярных, так и сугубо научно-исследовательских. На протяжений трех столетий существовавшей под исконным названием Улуг Улус (Великая держава).

Российская и советская историческая школа характеризуется вкладом таких учёных-классиков, как В.Г. Тизенгаузен (1825-1902 гг.), С.А. Козин (1879-1956 гг.), Б.Я. Владимирцов (1884-1931 гг.), Б.Д. Греков (1882-1953 гг.), А.Ю. Якубовский (1886-1953 гг.), М.Г. Сафаргалиев (1906-1970 гг.), Г.А. Федоров-Давыдов (1931-2000 гг.), Т.М. Султанов (1940 г.). Они являются представителями разных научно-исторических направлений, например, В.Г. Тизенгаузен – историк-востоковед, нумизмат, археолог, а Б.Д. Греков – специалист по истории Киевской Руси. Они являются представителями единой школы российской ориенталистики. А.Ю. Якубовский – выпускник Восточного факультета, ученик В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, А.А. Рамаскевича (1885-1942). Г.А. Фёдоров-Давыдов – искусствовед, археолог, нумизмат А.А. Ромаскевич являлся учеником ираниста В.А. Жуковского. Б.Я. Владимирцов – лингвист, языковед, монголовед. Труды этих исследователей

Золотой Орды вошли в круг классических исследований востоковедения (Кумеков и Султанов, 1974).

Одним из замечательных изданий по истории Золотой Орды стала академическая коллективная монография «Золотая Орда в мировой истории», в котором были представлены новейшие исследований ведущих учёных (Абзалов и др., 2016). В данном издании собраны основные новейшие исследования ведущих научных центров России и зарубежья. В предисловии данного издания ученый Р. Хакимов отмечает, что «изучение Улуса Джучи (Золотой Орды) началось относительно недавно, в 1990-е годы, когда были сняты идеологические установки государства». Снятие запретов на свободное и полное изучение истории тюркских народов, само по себе означает необходимость переосмысления причин такого рода табу. И они были ведь связаны с желанием переставить ключевые акценты в понимании тюркской истории, переключить, условно говоря, полюса с плюса на минус, и наоборот, что должно было служить, вероятно, для подмены представлений о прошлом, запутывание даже в вполне очевидных вещах.

В процессе переосмысления истории с точки зрения его сути и содержания, необходимо найти такие способы, которые бы избавили от заблуждений или фальшивых представлений, созданные односторонней оценкой советской исторической школы и его научной методологии. Если мы ищем способ представить единую и взаимосвязанную историю, то она должна исходить из естественной основы, ядром которой может быть только коллективная историческая память самого субъекта истории, а её собственные исторические и духовные источники должны быть ее первоосновой.

Был предпринят анализ произведений восточных авторов, прочтение источников нумизматики, манускриптов, разбор различных географических описаний или правовых актов – ярлыков ханов, родовых тамг, гербовых символик, генологических данных, летописных хроник, записи послов, научно-монографических исследований, исторических романов, в которых, в соответствии их жанру, излагаются факты его появления, развития, трансформации и угасания; рассказываются о фигуре Чингиз кагана, как основателе империи, его происхождении, недругах, союзниках, подвижниках, наследниках, завоеваниях, войске, характере государственного строительства, политических традициях, правовых установлениях.

В науке известны труды Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (1934 г.), М.Г. Сафаргалиева «Распад Золотой Орды», Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский «Золотая Орда и её

падение», Г.А. Фёдоров-Давыдов «Общественный строй Золотой Орды». Все эти примеры специализации, круга интересов и научных компетенции показывают, что в фундаментальном изучении истории Улуг Улуса действительно были необходимы самые разные энциклопедические знания; вклад нумизматов, археологов, востоковедов – тюркологов, монголоведов, арабистов, иранистов, этнографов, медиевистов, лингвистов, языковедов.

В основу источниковой базы в золотоордынских исследованиях были положены широко известные сборники материалов по истории Улуг Улуса, включающие труды и сочинения тюркских, китайских, арабских, персидских, монгольских авторов, дневники и воспоминания представителей европейских миссий, а также письменные памятники грузинских, армянских и русских летописцев, и конечно же, ярлыки ханов и материалы их нумизматики, мемуарные работы Марко Поло, Уильям де Рубрука.

Классические исследователи истории Золотой Орды, как правило имели привычку изучать лишь отдельные аспекты, они чаще рассматривали конкретные вопросы, например политической истории, военной организации, этнический состав населения, историю монет или конкретного города, или правителя, но реже всего это оформлялась в целостную историю, именно как история отдельного государства. Но, собственно, само это государство как бы оставалось в тени того навязанного и условного ярлыка, или обозначения «империя». Однако империя это всего лишь собственно результат государства и его политической машины управления.

История Улуг Улуса является важным этапом формирования государств нового времени, под воздействием которого они, собственно, и появились на политической арене, и на этнической карте мира многие государства, в период пост-позднесредневековой истории человечества в новом формате. Причем это относится не только собственно к Казахстану, а именно ко многим государствам мира. Об этом писали многие историки, например в статье ученого А.Ш. Кадырбаева «Золотая Орда как предтеча Российской империи», и другие научные статьи рассматривают и изучают этот вопрос (Кадырбаев и Сыздыкова, 2017). Исследователь Ж.М. Сабитов в статье «Золотая Орда – «падчерица» казахстанской историографии» также затронул вопросы об историческом правопреемстве Золотой Орды, справедливо утверждая, что Улус Джучи является «общим предком» как для казахов, так и многих тюркских народов (Сабитов, 2015).

Несмотря на то, что собран огромный массив материалов, научных, данных, и источниковых материалов, сложилась научная историография

вопроса, не хватает кардинальной смены взгляда, которая позволила бы правдиво интерпретировать видение истории Улуг Улуса в целом и сказать откровенно об истинных носителях этой истории, без подмены его на лиц других народов. Фонд этих данных, источников, научных комментариев, исследовательских текстов, сборники трудов и документов хотя и представляют большой объём сведений, а новые изыскания значительно расширяют наше представление, в конечном итоге, требуется некий системный подход, который отдельные выводы подвел бы к общему конкретному заключению. В переосмыслении золотоордынской истории, в первую очередь, следует исходить из обозначения основных акторов самого исторического процесса, связанных с этим государством – тюркскую конфедерацию тюркских племён, его основные составные части.

Следовательно, исторический взгляд «со стороны» должен смениться на взгляд «на самих себя» или «изнутри», то есть пора прекратить смотреть на историю тюрков Улуг Улуса, на их правящие династии, как основного источника института государственности этого образования глазами сторонних историографий, и сообщений сторонних внешних источников. Необходимо воспринять эту история как историю наших предков, наших тюркских прародителей. Значит, не следует быть в роли «угей бала» своего отца («усыновленного»), а быть истинными сынами наших тюркских предков, их огланами. Это – самый главный акцент, который требуется ставить, при рассмотрении истории Улуг Улуса, воспринимая эту историю как историю наших славных предков.

Поэтому, актуально провести осмысление исторических записок Чокана Валиханова, Машхур-Жусупа Копеева, Абая Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева по их видению золотоордынской истории, восприятия образа Чингиз кагана и его династии, видных представителей тюре. В работе «*Несколько слов о корнях происхождения казахов*» Абай дает прекрасное объяснение об исторической связи казахов и государством Улуг Улус. В них Чингиз хан не представлен в образе чуждого завоевателя, а, наоборот, выглядит как Алаша хан, который является зачинателем Алашского тюркского единения.

Из казахских *шежире* видно, что инициаторами народного движения Алаш были Абай, автор «*Слов назиданий*», Нуржан Наушабай, издавший книгу «*Алаш*», и Машхур-Жусуп Копеев, написавший труд о по поводу истории происхождение казахов в произведении «*Казах тубi*» («Истоки казахов»). Идея Алаш всегда была парадигмой тюркского единства.

Метод

Методы исторической реконструкции и интерпретации в изучении истории Улуг Улуса – Золотой Орды обусловлены во многом достижениями исторического знания восточных и западных научных школ. При этом, восточные школы, безусловно, оказывали большое влияние на западные, м особенно, на европейскую ориенталистику. Все эти школы и научные традиции, тюркские, мусульманские, китайские, европейские, западные и восточные, которые имели собственный шаблон нарратива исторических событий, искали, изучали, понимали, постигали сущность государства Улуг Улус – Золотой Орды в рамках своих интересов и стремлений. Они описывали происхождение и политическую природу империи кочевников, культурные особенности тюрко-монгольских народов, феномен туранской цивилизации, специфику хозяйственно-культурной жизнедеятельности.

Востоковеды штудировали тексты арабских, персидских и тюркских источников, прорабатывали дискурсы авторов, пытались уловить значения, которые имели в виду историки и современники тех исторических событий. У каждого направления были свои приемы, методы и инструменты. Ориенталисты искали сочинения восточных авторов, осуществляли переводы текстов, делали комментарий к ним, сравнивали и сопоставляли различные данные, события, даты, имена, историческую локализацию.

Археологи искали новые археологические артефакты – свидетельства золотоордынского времени: руины городов, укреплений, поселений и захоронений, следы караван-сараев на путях торговых сообщений, клады монет, образцы доспехов и вооружений. Историки реконструировали ход исторических событий, общественно-политическую обстановку, раскрывали характер, специфику международных отношений изучаемого времени, характеризовали причинно-следственные связи, выявляли факторы исторического процесса в Центральной Азии. Отсюда складывался междисциплинарный характер методологии исследований в изучении золотоордынской истории (Алпысбес, 2021).

Повседневная история кочевников в мирное и военное время, посредством которой в ней прошлая история приобретает несколько более живой характер, позволяет реалистично смотреть на жизнь акторов истории Улуг Улуса. Поэтому важно обратить внимание на такие стороны данного вопроса, как традиции семейно-брачных отношений, положении женщины в тюркском обществе, включая военную тактику в условиях того времени, и характер питания, как составной части системы жизнеобеспечения.

Отдельно стоит так же вопрос о том, чем руководствовались те или иные авторы, исследователи, учёные и эрудиты в собирании материалов, изучении истории Золотой Орды, какие существовали заинтересованные стороны, какие задачи и цель они ставили, и, конечно же, начиная от простых чувств любопытства, воодушевления и стремления узнать историю Чингиз кагана и становления его государства, присутствовали более прагматичные стороны в этом изыскании, а именно поиск происхождения форм государственного управления, характера политических, дипломатических, культурных, социальных или экономических отношений общества, обмена и торговли, организации военного дело, армии, форм религии и идеологии.

История Улуг Улуса в официальной историографии Казахстана не имело полноценного изложения, поэтому чаще всего освещение этого периода имеет поверхностный, фрагментарный и прерывистый характер, что объясняется существовавшим официальным запретом на исторические исследования этой темы, но исследователи фольклора и традиции устной народной литературы занимались им чаще, а востоковеды и этнографы старались продолжать свои изыскания. В академическом издании «История Казахстана» в пяти томах нет даже упоминания об эмире Едиге, известном деятеле позднего периода золотоордынской истории. Историки, превратившиеся в цеховых истории партии отошли от объективного понимания сути узловых вопросов национальной истории. Каждое из этих научно-исторических направлений имеют свою специфику как в методологии, так и озвучении цели и предмета научного поиска. Тем не менее, более полноценный анализ истории государства Чингиз хана и династии чингизидов была представлена в исследованиях Т.И. Султанова (Султанов, 2006).

Как мы можем заметить, в исследованиях кочевых народов Великой Степи всегда существовал элемент недосказанности, имели место ошибочные умозаключения, неверные трактовки, фальшивые интерпретации, логические нестыковки, искажения. Понятно, что иногда они имели место по причине того, что исследователь не располагал достаточным фактологическим материалом, но в иных случаях, научные объяснения были не верными даже если и имелись конкретные и достоверные сведения в тюркских *шежире*. Степняки всего лишь немногим ранее, буквально семь веков назад происходили из тех же поколений тюркских родоплеменных групп, и это утверждение не может быть воспринято как чуждое и постороннее, но как культурно близкое и родственное, в отношении генеалогического происхождения многих тюркских народов *прошло всего лишь 50 поколений*.

Казахский историк М. Тынышбаев связывает основные родоплеменные группы, входившие в состав Казахского ханства с племенами Золотой Орды. Некоторые из них относятся к Золотой Орде, но восходят также и к более древним временам, к историческому прошлому тюркских каганатов. Казахские *шежире*, которые он собирал и изучал, сообщают историю знаменитых предков, которые образуются в порядке семипоколенных систем в родоплеменной структуре казахского народа. В этом смысле упомянутая в генеалогическая цепочка предков, восходит к историческим лицам периода Золотой Орды, ко временам провозглашения Казахского ханства. В собрании М. Тынышбаева «Материалы к истории казахского народа» анализируются исторические данные о племенах, из которых сложился казахский этнос. На основе этих данных рассказывается единая история тюркского сообщества средневековья, образование и смена тюркских государств, их история. Как известно, М. Тынышбаев был подвергнут аресту и пыткам, погиб в застенках сталинских НКВД.

Как отмечает исследователь Аяган Б.Г. «видимо «отцу всех народов» И. Сталину и его сподвижникам не терпелось активизировать процесс ассимиляции народов, и на пути к достижению данной цели, прежде всего, необходимо было лишить народы исторической памяти. Действительно, насаждаемый классово-социальный подход к изучению истории лишал народ исторической памяти. С начала 30-х годов минувшего столетия всё более расширялся список запрещенных по идеологическим причинам изданий и исторических книг» (Аяган, 2014).

Исследования известного ученого-этнографа, академика А.Х. Маргулана по происхождению этнической истории тюркских племён и содержании эпосов золотоордынского времени, в методологическом отношений представляют большую научную ценность, так как позволяет взглянуть на это проблематику через наследие носителей этой традиционной культуры. Важно, что он рассматривает их от первого лица (Маргулан, 2007). Он пришёл к теме изучения вопросов истории Золотой Орды с таких научных областей знания, как литературоведение, искусство, архитектура, ориенталистика, археология и этнография.

Изучая через наследие востоковеда Ч.Ч. Валиханова литературные памятники казахского народа, героические эпосы, он раскрыл многие трудные аспекты золотоордынской истории, и чтобы воспринять весь этот объемный материал, требуется соответствующая узко специализированная научная подготовка, и нужно соотнести между собой и сопоставить различные виды

исторических источников и культурное наследие Великой Степи разных эпох, выявить и наглядно показать их взаимосвязь и культурную преемственность.

Поэтому, наша главная методологическая парадигма заключается в том, чтобы в исследованиях истории Улуг Улуса специалисты должны исходить из первоначальной сути источников, брать во внимание в первую очередь источники внутренние, и дополнять их затем сообщениями источников внешних, а не наоборот, и не допускать вовсе игнорирования тюркских источников. Реконструкция прошлого в изучении истории Улуг Улуса должна происходить из первоначального понимания событий, сообщаемых *шежире* тюрков, с включением свидетельств арабских и персидских современников. Это требует от исследователей, в первую очередь, знаний о традиции *шежире*, знакомство с его содержанием, практические знания о среде его происхождения, бытования, полевые археографические изыскания, сравнительно-сопоставительные исследования образцов и вариантов.

Результаты

Наши исследования, связанные с изучением *шежире* казахов и тюркских *шежире*, показывают, что это явление представляется самобытной культурно-исторической традицией тюрков-степняков, которые в основу фонда знаний положили концепт – Память = *Шежире*. В рамках *шежире* транслировалась актуальная информация об истории, топонимике, генеалогии, персоналиях, общественном строе, правовой традиции, политических династиях, родовой организации, родоплеменной геральдике, этнической антропонимике, и т.д.

Для кочевников само по себе образ жизни степняка-тюрка, с теми вполне традиционными и укоренившимися исконно фундаментальными ценностно-мировоззренческими установками, которые сложились в длительный период именно вот в таких специфических условиях взаимодействия с окружающей средой, отличающейся зачастую особо суровым природными и климатическими условиями. *Шежире* является очень древней традицией трансляции исторической и генеалогической народной памяти среди тюрко-монгольских племен (Алпысбес, 2004).

История Улуг Улуса располагает обширной историографией, имеющей прежде всего отношение к интерпретируемой истории Улуг Улуса, которые, в свою очередь строились на аутентичных материалах исторических источников, объективных научных данных. Изучая опыт предшествующих исследователей, следует критически рассмотреть существовавшие и до сих пор устоявшиеся взгляды исследователей, а также следует представить собственное

видение исторических процессов, фактов и событий, связанных с историей Улуг Улуса, понимание тех или иных моментов объяснений и трактовок, изложенных в источниках. Поэтому, требуется более широкий взгляд, комплексное восприятие исторических процессов Великой степи.

Даже доисторические петроглифы являются одними из безъязыковых исторических документов, рассказывающих об окружающей среде, природе, древней жизни и повседневной жизни древних туранцев – самом древнем периоде обитания Великой степи. В найденных на территории Казахстана петроглифах обозначены извечные символы казахского народа – изображения Солнце и *Шаныраk*, а также образы различных священных животных и птиц – волков, которых они почитади за тотемные существа, лошадей и верблюдов как самых благодатных для человека созданий, таутеке, леопардов, танцевальные сцены развлечения, сцены с ездой на транспорте – запряженные телеги, музыкальные инструменты – *сырнай, дауылпаз, домбра, кобыз*, все они были выгравированы на камне. И даже здесь есть строгая культурная преемственность, не говоря уже о преемственности государства.

Обсуждение

В летописи Шакарима Кудайбердиева «*Старинное сказание казахов о Чингиз кагане*» говорится о том, что: «казахи воссадили Чингиза белую кошму, и подняв его понесли его на вершину «Ханского холма», и таким образом возвели Чингиз кагана в качестве единого правителя на престол. Затем Майки би, казах из рода уйсун Большого жуза, и Сенгене, казах из рода конырат из Среднего жуза зашли к нему. И тогда Чингиз каган дал своим бекам следующие символы власти и атрибуты управления: уран (клич), птицу (геральдический знак), дерево и тамгу (родовая клеймо, печать). Большому жузу, Майкы бию сказал: пусть ваша птица будет – «*Орёл*», пусть ваше дерево будет – «*Вязь*», пусть ваш клич будет – «*Салауат*», а тамга – «*Сурги*» (фуганок). Среднему жузу, Сэнгэне бию: клич – «*Конырат*», птица – «*Сокол*», дерево – «*Яблоко*», символ – «*Луна*». До сих пор среди казахов бытует поговорка: «*У каждого слова один и тот же корень, изначальный предок – Майкы Би*». Настоящее имя Чингиз кагана – *Тэмуджин* (*Теміршi*), данное ему имя – Чингиз каган, когда он был избран великим ханом. Это значит очень сильный и великий», - писал он об этих исторических событиях. Таким образом, очевидно, что «искусство звериного стиля сака», берущее начало, очевидно, с традиций петроглифов, имеет не только художественное начало, но и имеет практическое значение, суть которого заключается в связи между тотемом и символом власти.

Между тем, события, подобные избранию Чингиз кагана на Великом Курултае в 1206 году, которое судя по сообщению Абая Кунанбаева имело место в Чингизских горах, откуда произошло переименование этой горы с прежнего названия Найман-Куре на Чингыз-Тау, были в последующем также неоднократно. Да и в предшествующие времена они, вероятнее всего были не редки. Абай в своей работе «*Несколько слов о корнях происхождения казахов*» пишет: «когда на троне воцарился Чингиз каган, казахи приветствовали его. Однако доподлинно неизвестно, где произошла такая встреча. Тем не менее сохранилось предание о том, что в наших Чингизских горах, на побережье реки Караул, расположилось его войско. И по древнему закону двенадцать казахских биев из двенадцати родов подняли Чингиза на белой кошме здесь, на горной вершине, тем самым провозгласив его своим ханом. Поэтому горы стали позже называться Чингизскими, а горная вершина – Ханом. Одним из этих двенадцати биев был известный Майкы-бий. Сохранилась такая пословица: «Все слова одного корня, а старейшина этого корня – бий Майкы». Капитан И.Г. Андреев отмечал, что согласно сибирским сказаниям, Чингиз хан был возвышен в ханы среди «киргиз-касаков», т.е. среди протоказахских племён (Андреев, 1998).

Из данного сообщения нам стало известно, что в это время уже существовало условное обозначение Старшего и Среднего жузов, которое в науке не признается, но если под жузом понимать значение «*дуз*» - «*степь*», то смыслы «*Большая степь*» и «*Средняя степь*» вполне согласуется с географической реальностью. Более того, подобного рода значения имеются и в китайских источниках. Уже в политических решениях Чингиз кагана можно найти самые ранние отголоски триальной организации – үш жүз, которое в дальнейшем окончательно оформилась у казахов как форма организации хозяйственно-территориального пространства Степи. Другим немаловажным фактом данного сообщения является то, что Чингиз каган был коронован в традициях интронизации, которые была характерна для казахского социума и в последующие времена. Например, одним из таких знаменательных мест является местность «*Тангбалы Нура*» в пустыне Бетпак-Дала.

Образ Чингиз кагана есть портрет объединителя тюркского мира, политического интегратора – оплот центростремительной концепции воссоздания тюркского могущества. Его политический титул – каган, выражал главный смысл тюркских верховных правителей – глава ханов. В истории гуннов широко известен Модэ шаньюй, или Моде каган, и его титул шаньюй, следует полагать, семантически связан со значением Чингиз. Существует

разные версии значения этого титула. Рассматривались даже обозначение тенгиз – море, или океан. Но это может быть также стяжкой значений *шын* (вершина) + *куз* (крутой утес). Кроме того, смысловые аналогии такой титулатуры существует и в предшествующие исторические эпохи. Так, например, титул *шаньюй* этимологически расшифровывалось как *сенгир* (вершина). *Шань* = *Сенг* в значении вершины горы (каз.: *сеңгір тау* – высокая гора), в отношении и значении культа также схож с тенгри, ибо горы в религиях олицетворяют место поклонения и источник духовной силы.

Машхур-Жусуп Копеев пишет: «В пустыне Бетпак есть место Тамгалы Нура, где имеются каменные надписи. Если сыны трех жузов спорят из-за казахских тамг (символов), то они подходят к этому камню, и смотрят на него. Старейшины утверждают, что тамга была напечатана во времена правления Алаша хана. Говорят, что появившийся в прошлом Чингиз каган также раздал тамги девяносто двум кипчакам. Мавзолей Алаша хана был построен на западном берегу реки Каракенгир мастерами из Ташкента и Туркестана. Единственный его сын Джучи в детстве ходил на охоту, и когда его лошадь вступила в схватку с куланом, то он погиб, будучи проволоченным конем» (Копеев, 1993).

В XV веке кочевые тюркские племена найман, конырат, жалайр и другие в период образования единого союза кочевых племен назвали «казахским союзом». Это слово «казах» имело первоначально не этническое, а социальное значение, и его суть заключалась в следующем смысле: "уметь стойко противостоять внешнему врагу, смело полагаться друг на друга". Условия жизни тюркских кочевников происходили из системы кровнородственных и родоплеменных союзнических отношений, сформированных жизненными требованиями, которые легли в основу положений их обычного права. Таким образом, нет какой-либо существенной разницы между, скажем, найманами начала XIII века и XV века, в сущности, последние являются их потомками.

Как писал Абай Кунанбаев: «в незапамятные времена от моголов отделилась одна народность по прозванию татары. Китайцы пишут «татаны». Эти татары и есть незабвенное начало казахов. И в наши дни выходцы из рода тюре (знать) в спорах между собой заявляют, что они татары. Это означает, что они – не пришлые, что у них тоже есть древние корни, а значит они – люди благородные» (Кунанбаев, 2018). В перовоисточниках, например, в работе Рашид ад-дина «Собрание летописей», речь идет не монголах, а о моголах, и это означает, что в искажении основного термина в текстологии источника были весьма заинтересованы ряд исследователей. Сейчас это обозначение

настолько устойчиво оформилась в историографии, что преодолеть привычку будет не так просто, хотя обозначение Моголистан, а затем, и название государство Великих Моголов, было и значительно позже.

Противоречивым в истории государства Чингиз кагана, Улуг Улуса, является вопрос завоевания и порабощения. Понятное дело, что монголы (или могулы, согласно первоисточникам) будучи частью, или как это отмечено у Рашид ад-Дина «суть незначительная ветвь тюрков», являлись завоевателями на территории Ирана, Китая, и даже Маньчжурии, не говоря уже о Руси и странах Восточной Европы, но ведь они не могли быть завоевателями на собственно тюркских территориях, если же они были частью этих самых тюрков. Из источников известно, что когда они – могулы, согласно сообщениям источников, прибыли на земли кыпчаков, то они заявили им, что они одной крови, то есть одного происхождения, и значит они упоминали культурно-историческую схожесть, общее этническое происхождение в качестве представителей тюркского эля под властью киятов. Здесь, скорее всего, следует рассматривать противостояния между удельными владетелями и Чингиз каганом, который стремился объединить тюрков.

Представление о том, что моголы Чингиз кагана пришли в Хорезм как завоеватели, также не совсем верно. Известно, что кыпчаки Сырдарьинской части или юга современного Казахстана на тот период подпали под доминирование-угнетение государства Хорезмшаха Мухаммеда. Обозначение «шах» является титулатурой персидской, а не тюркской политической элиты, т.е. политически и этнически чуждой страны. Историко-географический регион Трансоксании не может рассматриваться лишь, как исключительно ирано-согдийское этнокультурное пространство, здесь ведь издревле присутствовали тюрки, как исконные обитатели, из их числа такие известные сообщества как – канглы, кипчаки, асы, и другие. Поэтому, концепция «кризиса сложения народностей» вовсе не выдерживает критики. Государство Чингиз кагана стало объединительной силой разобщенного на тот момент тюркского мира, одна часть которого подпала под зависимость Китая, а другая часть оказалось в зависимости от воли могущественного Хорезмшаха, находившегося к тому же под тяжелой пятой исмаилитских сект. Например, ярким лидером таких сектантов – исмаилитов являлся этот злополучный Джалал-ад-дин, сын Хорезмшаха.

Многие авторы раньше писали, что при всех победах войск чингизидов, их военные походы негативно сказалось на политическом, экономическом и социальном развитии тюркского населения на территории Дешт-и Кыпчака,

что были разрушены присырдарьинские и жетысуйские города Центральной Азии, что для подавления сопротивления местного населения, «монгольские захватчики» применяли чуть ли не «тактику выжженной земли», что истребляли целые населенные пункты, которые не желали подчиняться новой власти, и что такие разрушительные действия надолго прервали естественное сложение многих народностей, что чингизиды на покоренных территориях закрепили «монгольские феодальные традиции», разделили завоеванные страны и народы на отдельные улусы, во главе которых стояли потомки Чингиз кагана, а господство тюркской аристократии установилось не только в Дешт-и Кыпчаке, но также в Китае, Сибири, Центральной Азии, Ближнем Востоке, России и в странах Восточной Европы.

Шакарим Кудайбердиев писал: «роды могли входить в различные союзы, целиком и частями, но должны были твердо сохранять свои исконные имена. И в самом деле, как увидим, родовые имена, записанные многие века тому назад китайскими историками, конечно, вследствие политического значения носивших их родов, сохраняются частью и поныне. Это обстоятельство даёт возможность определить в значительной мере этнический состав тех из ныне существующих тюркских племен и народностей, которые сохранили кочевой образ жизни, родовой быт, и родовые имена» (Кудайбердиев, 1990).

Основные племенные названия казахов почитаются как древние родовые общины, и что они были ядром древних государств. В этом смысле суть казахской историко-генеалогической памяти в рамках *шежире* представляется совокупностью сложения основного социума, являющегося носителем государственности. Встречаются примеры родовых названий казахского народа, которые были известны еще в глубокой древности. В свое время они вступали в состав родоплеменных объединений, заключали военно-политические союзы, менявшие свою конфигурацию в разные исторические эпохи. Это связано с тем, что степные сообщества всегда носили наследственный и династический статус своих сообществ, чтобы учесть количество и размер сообществ в военной организации в рамках своих социальных структур.

Историческое повествование Абая Кунанбаева строится на понимании того, что предки казахов, в период истории становления государства Чингиз кагана, всегда были в центре этих самых событий, и свидетельством тому, служат народные поговорки и пословицы, которые как наиболее компактная форма передачи информации на протяжений целых столетий откладывались

в коллективной памяти народа из века в век, сохраняли суть происходивших событий, а самое главное, они были сообщены самим казахским народом.

Абай Кунанбаев пишет: «вначале был убит Гурхан, (то есть найманский Кучлук хан, принявший на себя титу киданского правителя), захвачено племя уйгуров (которое в то время действительно было под властью Кучлука), а затем войско продвинулось в глубь Азии. Об этом свидетельствуют такие казахские пословицы, отражающие походы Чингиза, как: «В год Змеи была жара, в год Лошади было сражение, а в год Овцы – большое перемирие», «Просторна дорога Самарканда, узка дорога Буланая. Под Буланаем, очевидно, подразумеваются горы Гималаи или Гиндукуша. Речь, по-видимому, идет о горах. Об этом нам известно по такой пословице: «Нет гор больше Буланая, нет животного крупнее лося – булан. Впоследствии эта часть казахов, оставив горы Алатау, обосновалась у подножий гор, расположенных вокруг Ташкента. Доподлинно неизвестно о том, сколько их здесь было, где обитали раньше, а где – позже. Когда они прибыли в эти места, то оказались под властью прямого потомка Чагатая, одного из сыновей Чингиза» (Кунанбаев, 2018).

М. Тынышбаев в статье «*Тюрко-монгольская история*» писал: «Обиталище и потомки знаменитого Чингисхана до сих пор находятся среди казахов. Армия и вся страна, находившаяся во власти Хулагу хана, завоевавшего Иран, в основном состояла из жалаиров. Османские тюрки Стамбула являются выходцами из канглы. В VI веке в Монголии был собственный уйгурский алфавит. Махмуд Кашгари в 1069 году в городе Баласагун (близ города Токмак) написал труд «Кутадгу билик» («Благословенная власть» – автор) на уйгурском языке. В XII-XIII веках уйгуры писали историю, философию и многие другие произведения. Китайские правители приглашали уйгурских ученых редактировать свои книги. Внук Эмира Тимура, знаменитый Улугбек был первым астрономом своего времени, и сегодня в Самарканде сохранились остатки обсерватории Улугбека. Эти пять-шесть примеров ярко показывают культурные достижения тюрко-монголов».

Большое значение имеют заветы Чингиз кагана, смысл которых, устойчиво транслируется гораздо позже в традиции степного Кодекса уложений казахов. Анализ смыслов и содержания «Ясы» (*Жасак, каз. «Жол-жосын»*), а также билики (знания), например, вплоть до XIX века были в основе государственных экзаменов в Китае, для занятия чиновничьих рангов, хотя уже давно не было империи Юань. Сюжеты мифологической интерпретации образа Чингиз кагана сохранились в исторических преданиях казахов,

известны по собраниям Машхура-Жусупа, которые были переданы им затем Г.Н. Потанину и В.В. Радлову (Көпеев, 1993).

В историческом фольклоре казахов встречаются такие определения, как «десять сан оймаутов», «девять сан торгаутов», «тридцать сан римлян», «десять сан ногаев», Следует пояснить, что в традиции исчисления у тюркских народов значение «сан» соответствует числу «сто тысяч», а значение «множество» или «бесчисленное количество» выражается в значении «тумен», что означало условно «десять тысяч человек». Таким образом, «десять сан» означает «один миллион», «сорок сан» означает «четыре миллиона». Эти определения были демографическим показателем населения в то время и мерой того, насколько могущественной было государство, насколько демографически сильной была страна. Во времена Абылая населения Среднего жуза составляло «десять сан», то есть миллион человек.

Чокан Валиханов в своих научных исследованиях писал, что согласно сообщениям Кадыргали Жалаири в его «Собрании летописей» говорится о «*Ногайлынынг ауыр журты*», т.е. «*Могущественный (очень сильный) юрт (обиталище, население) ногайлинцев*», основой для такого обозначения стало именно факт правления беклярбека Ногая (1235-1300). Он был сыном Татара, который был сыном Могола, который был сыном Бугала (Бууала), т.е. Ногай был внуком Бугала (кстати, его имя может быть прочитано как Мугал, и действительно, в другом источнике отмечается, что Ногай, сын Татары, сын Могола, сын Чингиз кагана), седьмого сына Джучи. Это показывает, что живая традиция называть детей именами далеких предков всегда, была устойчива в культурной среде тюрков. По такой же причине сейчас у казахов существует традиция имянаречения, Кыпшакбай, Аргынбай, Найманбай, и т.д.

Истории государства Улуг Улус стала квинтэссенцией политического и культурно-идеологического выражения степных империи гуннов и тюрков, то есть преломление традиций ранних империи тюрков в новую региональную державу - *Казахское ханство*. Это показывает историческую роль традиции самоорганизации кочевников. Улуг Улус является своего рода фокусом истории Великой Степи, через которое отражаются все духовные, культурно-цивилизационные, политико-правовые, социальные и духовные процессы в истории прототюрков и тюрков, протоказахов и казахов, в промежутке между древностью, средневековьем, новым временем и современностью. История Улуг Улуса включает, очевидно, пять этапов развития: в 1206-1224, 1224-1269, 1269-1312, 1312-1392, 1392-1428 годы.

По мнению Ч. Валиханова, «*курлеуты* были древним монгольским племенем и теперь они составляют ветвь кипчакского племени среди казахов». История племён *катаган* и *коралас* также схожа с историей *курлеутов*. Левшин в своих трудах высказал мысль, что казахи являются тем политическим единством, которое образовалось в результате союза различных монгольских и тюркских родов и племен эпохи Золотой и Чагатайской Орд. Ещё раз следует отметить, что когда речь идет об этническом обозначении монголов, то это о моголы той исторической эпохи. В трудах Рашид ад-Дина говорится, что моголы на самом деле были незначительной ветвью тюрков. Этот исторический факт не противоречит реальности, и согласуется с историографией того времени.

Применительно к степным тюркским народам следует говорить не о завоеваниях, а подчинениях, как, например, уже бывало в истории, когда карлуки, скажем, подчинили тюргешские племена, а кыпчаки – огузов; могулы найманов и кереев, и т.д. (Кадырбаев, 1992). Это связано лишь с возвышением какой-либо отдельной части, племени или конфедерации родов или ветвей тюрков. И здесь, как видно, происходила трансформация государств, чаще ее объясняли как «падение» или «исчезновение», но было, возможно, это было падение династий, правящих политических кланов, но не исчезновение государственности, как таковых.

Государство Чингиз кагана было воплощением заветной тюркской идеи единой тюркской страны «войлочностенного народа» – государства «*киіз туырлыктыктылардын елі*», что выражает значение воссоздания былой славы кочевой степной империи небесных тюрков (*Кок тюрик*) – народа древних степняков-коневодов, наследников эфталитов, гуннов, кангюй-канлы, хьон-киятов. И это выражает тот знаменательный факт истории, что менталитет, культурная самобытность и цивилизационная идентичность степняков, которую сейчас принято называть этнической, была утверждена уже могуществом тюркских каганов, но, возможно, под пагубным воздействием внешних сил, злонамеренным влиянием разных идеологии, преследовавшим цель разобщения тюрков, противопоставления их друг против друга, формирования междоусобицы династий, обособления на раздельные тюркские государства и дальнейшего их раздробления на мелкие владения.

Абай Кунанбаев писал: «Именно арабы прозвали кочевые народы именем «хибаи» или «хузаги». Слово «хибай» означало, что люди пользуются войлочными шатрами. А слово «хузаги» было связано с тем, что в их родных краях также под таким названием проживало кочевое племя. Один из ханов,

увидев верблюжий караван кочевников, сравнил его с перелетной гусиной стаей: «Вот эти люди – действительно казахи», (то есть связывает имя казах со значением “каз”). Так эти кочевники и стали сами себя называть «казахами». Другие племена восприняли сие название, хотя прежде себя называли попросту “Улус”. В те дни существовал весенний праздник «Наурыз», который казахи кочевники очень любили и называли великим днем государства. В наши дни это слово соотносят с мусульманским праздником “Курбан-айт”. После принятия новой религии произошла замена старых названий городов, кроме Бухары, земель, озёр и рек и даже отдельных народов. Похоже, так и происходило. Как бы там ни было, с тех пор мы и стали называться казахами».

В китайской историографии тюрки в окрестностях Великой Китайской стены расселялись белые татары. В основном владение *Басмылов (Басими), ханство Онгутов*. Западнее них располагались черные татары. Это должно быть *Жалайыр, Найман, Керей, Карлуки*, затем, так называемые дикие татары. Как отмечал Абай Кунанбаев, «эти татары, оказывается, воинственны, увлеченно занимаются охотой, носят и едят что придется, ведут дикий образ жизни. Они расселялись и заняли местность в верховьях рек Енисей и Ангара. По их обыкновению, охотники уходили от своего поселения на один год, и даже на два. Позже охотники стали говорить об увиденных ими землях, где зима бывает короткой, а лето – длинным».

Затем, Абай Кунанбаев утверждает, что они имеют сходство с казахами: «в восточной части Сибири живут собратья казахов, которые еще не вошли в ислам. Тем не менее, ясно, что они родственны казахам по языку, по обычаям, и по облику. Особенно близки казахам так называемые «ясачные татары», народность в Минусинском крае, на Енисее. Говорят, что и они казахов считают своими собратьями, и при виде их никто не смог бы возразить против наличия сходства между нами, наших очевидных родственных связей. Ни один казах не стал бы возражать против утверждения, что казахи и киргизы родственные между собой народы. Этих самых киргизов называют «*бурутами*», однако мне не удалось встретить в истории объяснений, почему в китайских известиях называли их «брутами». Казахи называют проживающих в окрестностях Бийска и Кузнецке калмаков «*блеут*». И по моим предположениям, эти «*блеуты*» и «*буруты*» имеют общее происхождение, и исходят от одного и того же названия. Соответственно, немудрено, что они произошли от кыргызов».

Нужно также отметить, что многие известные образцы тюркского фольклора всегда бытует среди разных тюркских народов. Например, «Козы-

Корпеш – Баян-Сулу» одинаково близки как казахам, так и саха-якутам. Сюжет эпики относится, по-видимому, к гуннскому времени, как это показывает архитектурный памятник, характер строения самого мавзолея. В номенклатуре исторической генеалогии казахов фигурируют наименования древнейших тюркских общин, которые на пути становления нации, всегда включали такие группы тюркских народов, как огузы и кипчаки, кияты и коныраты, басмилы, карлуки, караханы, кимеки, другие древние образования.

Что касается династических структур и генеалогических традиций казахского народа, он начинается с исторических знаний древних тюрков, казахских легенд, таких как «Огуз-нама», «Коркыт-Ата», «Козы-Корпеш-Баян Сулу», «Ер-Тостик». Все они являются первоисточниками национальных исторических знаний, относящихся к категории историко-культурного наследия, о котором веками говорят в народе. Эти исторические произведения эпического характера содержат сведения об известных древнетюркских деятелях, мировоззрении, истории повседневной жизни, философии, религиозных верованиях, именах людей с географическими названиями, родоплеменной структуре, внешних и внутренних отношениях.

М. Тынышбаев в своей статье «*Тюрко-монгольская история*» в первом номере журнала «*Сана*» за 1923 год писал: «в древнейшие времена тюрко-монгольское сообщество были знамениты на весь свет, с незапамятных времен гунны, покорившие китайцев, подчинившие своей власти все тюрко-могольское пространство, а затем завоевавшие Европу, они произошли от тюрков. Ханы, которые привели булгар к Дунаю, также были выходцами из дулатов. Кипчаки и каракалпаки, некогда изрядно тревожившие Россию, являются составной частью тюрков».

Как мы видим, в историческом самосознании казахов конца XIX – нач. XX века, например, у Чокана Валиханова, Машхур-Жусупа, Абая, Шакарима, Мухамеджана Тынышбаева, и других история происхождения казахов уходит вглубь веков, и оно не ограничивается лишь временем образования Казахского ханства, и такой взгляд он совершенно ясен, ибо все те тюркские родоплеменные образования, которые составили казахский народ, они были в историческом прошлом и за много веков раньше. Поэтому, Машхур-Жусуп использует такое определение «это было в те времена, когда казахи еще не проявились в качестве казахов», а Шакарим использует условное понятие «доказахские времена» как «протоказахская эпоха», то есть казахи уже были тогда в истории, но они фигурировали чаще в своих предэтнонимах.

Так, Абай Кунанбаев пишет: «люди, издревле привыкшие к разведению коней и овец, стали заявлять: "Мы переселимся в те края, которые удобны для животноводства". Так они постепенно стали менять место проживания. Частью этих людей были наши предки – казахи. Неизвестно, какими путями и за сколько лет казахи прибыли в эти края. Все же вскоре они добрались до склонов Алатау и остановились там на постоянное жительство. Они не могли двинуться дальше, поскольку далее была земля, издавна принадлежавшая уйгурам, которые там уже прочно укрепились. Хан этого уйгурского сообщества держал под строгим учетом подвластное ему население. Пришлые же, хоть и признали его власть, тем не менее отнеслись к нему не дружелюбно. Испокон веков казахи как свободолюбивый народ считал для себя, подчинение кому-либо, тягостным бременем. Уйгуры сами были выходцами из моголов, но кочевников они считали чужими».

В рассмотрении империи Чингиз кагана важно изучить такие вопросы, как письменные и устные предания (*шежире*) в качестве исторического источника, племена в империи Чингиз кагана, система прав, власти и суды, особенности культуры, язык и военное искусство кочевников, вопросы религии и отношении к нему в Улуг Улусе как вопрос государственной идеологии и внешней политики государства. Как известно задача всякого историка заключается в умении очень внятно и по возможности более детально объяснить ход и развитие исторического процесса, и связать исторические события в логическую взаимосвязь, как результат принятых решений, особенностей поведения и деятельности исторических лиц – конкретных личностей, от которых действительно зависели те или иные социально-экономические обстоятельства жизни всей страны или военно-политическая история государства. Рассматривая все эти вопросы, мы изучаем их как маркеры, позволяющие определить культурную принадлежность того или иного феномена по внешнему и внутреннему характеру его проявления.

Согласно исторической памяти – *шежире* казахов, Чингиз каган имел титулом Алаша хана, значение и знак, этимология и семантика этого понятия сопряжено с такими традиционными категориями, как – *алаш* (*алашык*), т.е. лачуга, иначе говоря переносное жилище, состоящего из жердей унины (*уык*), укрюка (*курык*) или копья (*найза*), покрытого куском войлока, служившего для воина и/или коневода, временным укрытие или кровом, прообраз юрты (*кийз уй*) – самый основной символический элемент тюркского мира, включающий такую чрезвычайно важную категорию как *шанырак*, символизирующее и отчий дом, опору и крепкую семью (*отау*), династию (*аулет*) и даже основы

целого государства («*шаныракка кара*», буквально, «*обрати внимание кто хозяин в доме*»); *алаша* – домотканный грубошерстный ковер из шерсти, сочетание разноцветных полос этого паласа, выражает семантику соединения самых разных общин – племён и родов, составленных в единый *эль*.

Как известно, орнаментика мавзолея Алаша хана связанная с особой техникой кладки кирпича, напоминает традиционный казахский палас – *алаша*, характеризующийся сочетанием пестрых цветов, семантически выражающее значение соединения, единения. Все эти культурные коды чрезвычайно важны. В истории древней Азии степные народа сака и гунны преподнесли пример создания мощных государственных образований, путём объединения крупных племенных союзов в единое государство.

И по этому примеру происходило формирование первых китайских государств. Схожим же образом и в последующий период, как видим, происходило единение разрозненных этнических групп Европы в политически более консолидированные союзы, в государственные объединения, в конечном итоге приведшие к сложению наций. Поэтому, концепция о «долгом прерывании естественного сложения народностей» не выдерживает критики по той простой причине, что утверждение о монголах, или могулах, что они были крайне «жестоки и беспощадны», должны быть тоже переосмыслены, по-новому рассмотрены и оценены в деталях.

История военно-политической деятельности, государственного почина, имперского могущества видна на примере лидеров Улуг Улуса - старших ханов Бату (1208-1256) и Берке (*Беркай, Берке-Огул*, 1209-1266), темник Ногая и Узбек хана (1283-1341), Жаныбека (неизвестно-1357). В книге Утемиша хаджи «Чингиз нама» есть сюжет о том, как сыновья Джучи – Орда-Ежен и Бату взаимно отказывались от политической власти в пользу другу друга, что отражает целый ряд ценностно-цивилизационных мотивов степняков (Утемиш хаджи. Чингиз-наме, 1992). Но в последующем, некоторые моменты истории Улу Джучи отличаются тем, что наступает великая «смута» в Орде». Некоторые исследователи связывают это с историей факторах исламизации Улуг Улуса, которая сыграла решающую роль в судьбе Улуг Улуса.

Имя Ногая и имя Узбека стали в истории эпонимом целых этнических сообществ, например, население Улуг Улуса – Золотой Орды называлось, согласно *шежире*, *ногайлы* (подчеркиваю, не *ногай*). Отсюда следует что он был джучидом, но в силу того, что он родился от младшей жены, а не от старшей, то соответственно его права на наследие отца были усечёнными, согласно традиции. Или правильнее сказать преданным и надёжным союзником

джучидов (по меньшей мере Берке хана), однозначно – он был чингизидом, и *туменбасы* (от этого слова происходит русское понятие *темник* – *М.А.*) – командующий начальник над десятью тысячью воинами. Между прочим, Берке хан поручил под его знамя даже не один, а несколько туменов. О происхождении Ногая исследовал у Н.И. Веселовский в работе «Хан из темников Золотой Орды и его время» (Веселовский, 1922). Имя Узбек хана как эпоним трансформировался позже в этноним, от лица которого произошли имена собственно целого сообщества, известного из *шежире* как «*девяностодвухстоставный узбекский улус*» («*токсан екі баулы узбек*»), «*тридцатидвухсоставный улус узбеков*» («*токсан екі баулы узбек*»). Исходя из того, что существует аналогическое обозначение *токсан еки баулы кыпшак* (*отыз екі баулы кыпшак*), можно сделать заключение, что весь основной этнический коллектив Дешт-и Кыпчака, преобразовался в единый Узбеков Улус, или кочевое государство Узбекия, которое затем преобразилось, соответственно, в узбек-казахов.

Из этих сведений *шежире* казахов мы можем сделать следующие заключение: казахи, или правильнее было бы сказать, представители десяти ведущих племен, которые позже составили основной костяк казахского союза сформировавшей казахскую нацию, находились практически в составе всех четырех улусов на ведущих позициях, как большинство их населения. Улус Джучи при ханах Берке и Узбеке усилил позиции как государства. Чагатаев улус был менее могущественен в плане устойчивости ханской власти, и оно в конечном итоге обернулось усилением Эмира Тимура и потерей управления улусом представителями политической элиты чагатаидов в пользу Тамерлана.

Вот что пишет Абай Кунанбаев: «главный хан из потомков Чагатая жил в то время в Ташкенте, а казахами правил один из его младших братьев. В этот период процветали угон скота – барымта, разбой аулов, вражда племен. Люди жили бедно, не наблюдалось численного роста казахов. Ведя себя по принципу: «Приходит как смелый джигит, а убегает как собака», люди не умели даже правильно оберегать себя и свой скот от врагов. Увеличение численности казахов, по-видимому, происходит после разрушения калмыцкого общества и только после обоснования на Сары-Арке. Не случайно появляется и выражение: «Отняв у врага девушку, обзаведешься женой, а убив старшего брата, женишься на своей женге (жене старшего брата)» (Кунанбаев, 2018).

Сакен Сейфуллин в своей книге «Краткая история казахской литературы» писал: «Земли к западу от него перешли к Угедею... После смерти Чингиз кагана великим ханом стал Угедей. Земли к западу от доли Угедею являются

долей Чагатая. К западу от него (самый западный край) Черного моря до Руси Улус Джучи. Все эти доли четырёх сыновей Чингиза принадлежали тюркским племенам. В те времена сообразовались тюркские племена, ставшие впоследствии казахами в частях Джучи и Чагатая. Некоторое время спустя тюрко-монгольские племена Чагатая переселились в Улус Джучи. После перехода этих племён от Чагатаяв к Джучи, в их состав вошли тюркские племена, известные как современные казахские племена: Жалаир, Канглы, Алшин, Кипчак, Конырат, Мангыт, Уйсун, Аргын, Найман, Керей и другие. Таким образом, тюрко-могольские племена, сформировавшиеся как современные казахи, в то время принадлежали Джучи-хану, который распространился от Крыма до Волго-Урала, Восточной Сибири, Каратау-Алатау. Джучи умер раньше Чингиза. Доля Джучи досталась пятерым сыновьям Джучи: Ежену, Батыю, Береке, Шайбаку, Токай-Темиру. Орда Запада называлась Золотой Ордой» (Сейфуллин, 2007).

В источниках близкой к тем временам эпохи, например, в трудах М.Х. Дулати и других авторов, отмечалось, что при создании Казахского ханства, первоначально было двести тысяч населения, которое затем в период Касым хана количество казахов насчитывало свыше миллиона человек. Численность населения и его рост был связан в это период не только с демографическими показателями рождаемости, но и перемещением населения. Родоплеменные сообщества, которых мы называемым по примеру академика А.Х. Маргулана протоказахскими и казахскими племенами, они переходили из состава одного удельного владения чингизидов в другое, как говорится в преданиях народа, отложились в его пословицах и поговорках из Крыма в Рум, то есть земли от Крыма до Стамбула, от Китайской стены до Трансоксании, пространства Великой степи и сопредельные земли находились в ведении кочевнического тюркского сообщества – огромного конгломерата больших тюркских племен – *девяностодвухсоставного* большого кыпчакского объединения, называвших себя как *ногайлы кыпшак, девяностодвухсоставного узбекия*. Собственно, в элементах жуза уже присутствует оттголоски той былой улусной пространственной системы.

Абай Кунанбаев, опираясь на сообщения тимуридского эмира Бабура, пишет: «Из родословной Тамерлана: у матери известного царя Бабура, сына Гумар Шайха, было два родных брата, один из них был ханом Ташкента, а другой был возвышен ханом казахами. Они были сыновьями хана Юнуса, родословная которого берет начало от Чагатая. Того правителя казахов звали Ахметом. Вот он в свое время из казахов, наиболее пригодных к военному походу, составил и три жуза воинов, которыми командовали жузбасы.

Представители каждого жуза считались между собой родственно связанными воинами. Отсюда и пошло выражение: “*Дети трех жузов*”. Хан Ахмет часто совершал набеги. Калмаки из-за его жестокосердия, вместо того чтобы сказать: “*жан алуши*” (*душегуб, палач*), говорили: «Этот прямо-таки стал “*алаши*”. Поэтому своего правителя прозвали «*хан Алаша*». Так написано в «*Бабур-наме*» (Кунанбаев, 2018).

В ходе процесса исламизации Улуг Улуса определенная часть тюркских племен оставалась в своих доисламских воззрениях. В связи с этим наметился раскол единства, которое в *шежире* получило условное название «*казак-калмак айырылган*» - «*время раздвоения казаков-калмаков*», то есть часть тюркских племен, не пожелавшая принять исламское вероубеждения, которое в это время стало уже преобладающим в степном пространстве, получили название калмак, то есть «*отколовшиеся*», или дословно «*оставшиеся вне*». Это такие тюркские племена как чор, чоросы, торгауты (возможно, ранние тюркюты), дорбуты, хошоуты, и другие, которые имели некогда, вероятно, генетическую связь с кереями, меркитами, найманами, жалаирами, и т.д., в более отдалённые времена. Это приводило к новым формам длительного внутреннего противостояния.

«Вскоре в Среднюю Азию прибыла многочисленная армия арабов-миссионеров с целью распространения ислама. Известный в то время активный приверженец ислама Кутайба дошел до самой Кашгарии, обращая население к исламу. Кочевники тоже объявили себя мусульманами, хотя долгое время не порывали со своими давними представлениями о об устройстве мира: признавали баксы и предсказателей, преклонялись перед огнём и светом. В те времена человека, мало-мальски овладевшего грамотой, называли «абызом» – учёным. Чаще всего, так называли мулл-священнослужителей. Преклонение шаманизму мы находим в отдельных обрядах, когда люди, не умея объяснить причины тех или иных явлений, считали, что их ниспослал Бог. Так, например, во время первого прихода невестки в дом своего жениха родственники лили масло в огонь со словами: «Огонь – Мать! Масло – Мать! Дай нам благодать!». Или зажигали светильники, говоря при этом: «Посвящаем духу покойника». Или же, во время первого весеннего грома, женщины громко ударяли ковшами по стенам дома со словами: «Молока много, а угля мало». Подобных обрядов было много, но ныне, слава богу, похоже, что они забываются».

В этот период тюркской истории происходило этническое разобщение между различными группами тюркских племен в связи с религиозным разобщением – переходом части тюрков в ламаизм, а другой части в шиизм.

Эти процессы внесли раскол этнокультурное тюркское пространство, но казахи в рамках своих национальных стойких убеждений и сложившейся в рамках учений Ходжа Ахмеда Яссави, Жусупа Баласагуни, Махмуда Кашгри, трудов Низами, философии степных мудрецов-импровизаторов, жырау, би-шешен, абызов, воззрений Асана Кайгы, и других мыслителей, сохранили самобытную ценностную систему и противостояли внешним религиозным влияниям и силам, способных подорвать национальное единство.

Абай Кунанбаев отмечает: «хан, смекнув, что калмаки так отзываются о нем из-за страха, приказал своим воинам, чтобы во время сражения они громко кричали уран (клич): «алаш-алаш». Однако при сплошном шуме стало слышаться: «алаш-алаш». Поэтому распространилось выражение: «Что только мы не делали с калмаками, когда были алашами и правил нами хан Алаша». Тогда эти казахи относились к потомкам Чагатая. Узбекскими же племенами правили потомки Джучи. Вскоре среди потомков Сибана или Шибана, сына того самого Джучи, выдвинулся известный хан по имени Шайбак, который стал постепенно отнимать у потомков Тамерлана города Герат, Бухара, Самарканд. Против него, наконец, двинулось многочисленное войско хана Алаши, воссоединившегося со своим старшим братом Жамке. Но войско потерпело поражение на Ура-Тюбе, воины были убиты. Казахи перешли в ведение Шайбака и поддержали его».

Вопрос локализации территории, месте становления государства Чингиз кагана, а затем и Улуг Улуса, многие исследователи считают вполне ясным и решенным, тем не менее отдельные выводы выглядят натянутыми и противоречивыми. Утверждения, что Чингиз каган и его полчища разрушили многочисленные города, в основном особенно мрачно сообщали персидские историки, и по их следам мусульманские, арабские авторы, на труды которых в основном ссылались французские чингизхановеды, и писали об его империи. В ряде источниках сообщалось, что Чингиз каган извел до восьми десятой части населения Персии, но оракул и очевидец тех лет Чан-Чунь Цю, совершивший трехлетнее путешествие из Ханбалыка до Самарканда, неоднократно пересекал реку Амударью. В своей книге «Сиюйцзи» он подробно рассказывает об этих местах, которые в течение путешествия автор повидал, с 1219 по 1222 годы (Акишев, 2004).

Все пределы страны Чингиз кагана, начиная от современной Монголии, Алтая, Семиречья и Мавераннахр, он обошел сам и подробно сообщает о цветущих садах и городах, не упоминает он о каких-либо разрушенных городах. Он видел своими глазами города Алмалык, Койлык, Сайрам, и другие.

Поэтомуғ все это исходит лишь от мстительности побежденных народов и их представителей по отношению к насельникам Улуг Улуса и Великой степи. Свою книгу воспоминаний Чань Чунь Цю о путешествии писал уже по возвращении, и рукопись еще долгие века оставалась не прочитанной, без всякой цензуры, и ему не мешало ничто, если бы он хотел написать всю правду «о страшных разрушениях городов».

По обнаруженным источникам заметно, что татаро-моголы были веротерпимы, не стремились к насильственной ассимиляции покоренных народов, хотя и могли с легкостью это сделать, и по какой причине они вдруг оказались виноваты в «прерывании сложения народностей»?! Татарская экспансия происходила по тем же естественным, географическим транзитным путям, по которым раньше совершали передвижения и перемещение скифы – сака, киммерийцы, а затем тюрки, способствовало культурной контаминации, близкому взаимодействию многих этносов, результатом которого становились формирование новых народов. И они стимулировали этот процесс этнообразования, также как и другие явления и процессы в экономику, культуру, хозяйственную жизнь, торговлю и обмен. Тюрки были и в Китае, и в Иране, и в Индии (Кадырбаев, 1990).

Следующим элементом в развитии истории Улуг Улус стало проверка на устойчивость института чингизидов, правоустанавливающая верховенство потомков Чингиз кагана и Джучи хана. Их наследник получили статус тюре. Это право наделяло их новыми функциями арбитра – верховной нейтральной политической силы между степными тюркскими племенами. Отдельные группы политической элиты степных племен стали оспаривать господство чингизидов, отходить от признания их верховного имперского права. Это также свидетельствовало о назревании сепаратистских тенденций, раскола в среде единого, некогда воссозданного после тюркских каганов вновь, Чингиз каганом монолитного тюркского сообщества. Появляется народная мудрость «*болюнгенді борю жейді*», буквально «*отошедшего раздельно съест волк*», т.е. смысл заключался в том, что только единство тюрков является гарантией свободы и безопасности всего тюркского пространства. Этот период истории в шежире получило условное название «*казак-ногай болюнген*», то есть «*раздвоение казаков-ногаев*», когда ногайские мурзы, желая установить свое единоличное правовое и политическое господство стало отходить от признания верховенства тюре-чингизидов. Но казахи сохранили институт чингизидов в Казахском ханстве.

«До сих пор бытует выражение: «Мы изначально были родственны с узбеками, так как Чингиз каган еще при жизни определил в Улус Джучи. Как

говорится, «узбек – собрат наш, а сарты – чужаки». После этого потомки Чагатая никогда не восседали на казахском троне, только потомков Джучи торжественно поднимали на белой кошме, и он становились нашими ханами из тюре, потомков чингизидов», а трон, как следует понять, он изначально был казахский, так как отметили выше, Чингиз каган был избран в статус Великого кагана двенадцатью казахскими биями, согласно казахским преданиям. Эти факты, которые излагает Абай, показывает, что основная часть казахских племен в последующем входила в состав Улуса Джучи. И они были не только источником, но и подвижниками Чингиз кагана.

Абай писал: «В то время кроткие и спокойные казахи придерживались пословицы: «Отвергнувший дух покойного станет непутевым». Пословицы же: «Добыча смелого джигита и добыча серого волка находятся в пути», «Верхом на коне добыл коня», «На коне пробуждался от сна», очевидно, появились уже после похода Чингиз кагана. Кочевники-казахи стали возвращаться на свои исконные земли», то есть представители всех тех тюркских племен, которые в последующем вошли в казахский союз, они в своей исторической памяти сохранили представление о славной эпохе Чингиз кагана, когда он совершал военные походы как собиратель тюркских земель. «Казахи, расположившись у подножия Алатау, – писал Абай, переняли у соседей земледелие и торговлю, скромно называя себя «серыми, темными». Вероятно, кыргызов стал называть кыргызами один из уйгурских ханов. Впереди их конницы обычно ставились так называемые кыргызы – «истребители», «палачи» (от слова «*кыру*»), подававшие команды: «Убей! Уничтожь! Изведи!» Так появилось слово «кыргызы» (Кунанбаев, 2018).

Такая интерпретация смысла соционима или этнонима «кыргыз», смотря в каком значении его понимать, в трудах Абая, она довольно неожиданно, но, вместе с тем, это определение в некотором смысле претендует на истину, исходя из этимологических значений словообразования и его семантики. При этом следует подчеркнуть, что казахский народ в дореволюционной России называли не иначе как «киргиз-кайсаки», «киргиз-казаки», и это имя этноса стойко держалось до начала XX века. Конечно, это связано с тем, что во времена казахского Есим хана, он считался одновременно ханом казахов и кыргызов, и его ополчение дружно ходила на войну с калмыками. В составе казахского народа, помимо кыргызов, которое были полонены ханом Абылаем, были также две категории кыргызов, одни из числа аманатов – «ак уйлі», а другие, собственно, те, которые к Алатауским кыргызам не имеют отношения,

но находились в номенклатуре казахских родоплеменных групп изначально, в качестве первоначального составного элемента.

Как писали в своих исследованиях Кляшторный С.Г. и Султанов Т.И.: «по сообщению Махмуда ибн Вали, автора многотомной всеобщей истории «Бахр ал-асрар», в составе войска Бату, в частности, были ополчения племен аргун, огуз, найман, буйрак, ойрат, карлук, кушчи, усун, минг, конграт, кереит, барлас. Источники, откуда Махмуд ибн Вали черпал свои сведения о племенном составе войска Бату, нам неизвестны. После завершения военной кампании 1236-1242 гг. большая часть центральноазиатских племен вместе со своими вождями возвратилась к себе на историческую родину. Но какое-то количество из этих родов и племен было распределено после похода между Джучидами в качестве эля; они стали таким образом «дештскими». Так, по словам Абу-л-Гази и автора «Зубдат ал-асар» (XVI в.), Бату после возвращения из похода в Восточную Европу (1242 г.) отдал под власть своего брата, Шибана, народ, состоявший из 15 тысяч семейств, выделив ему из «древних родов» (байри элинден) четыре главных племени: кушчи, найман, карлук, буйрак. Другому своему брату, Тукай-Тимуру, Бату выделил «из каучинов» (т.е. из привилегированной части войска) минг, тархан, ушун, ойрат» (Кляшторный, Султанов, 2009).

История Улуг Улуса изложена в материалах, существующих и широко известных исторических источников и на основе заслуженных и популярных, серьёзных научных исследований. Концепции «татаро-монгольское иго» затмила то, что степняки были веротерпимы, и нет свидетельств, что они разрушали церкви, монастыри, наоборот золотоордынские ханы постоянно оказывали им протекцию и защиту, они провозгласили политику невмешательства в дела церкви, объявили запрет на их разграбление и освобождение от податей, и т.д. Заметным стало благотворное влияние на общественно-культурную жизнь народов, например, увеличение лексического строя русского языка, привнесшие такие понятия, как кафтан, колчан, барабан, богатырь, орда, сундук и так далее. Более того, военно-политические традиции Улуг Улуса вошли в жизнь народов, как школа военного искусства, как образец для формирования централизованного государства, а дипломатические и посольские отношения были сформированы под влиянием ордынцев в форме неприкосновенности дипломатических миссий под страхом жестокого возмездия. Все это говорит о «благом деянии, добром деле». Ведь население до золотоордынской Руси испытывало не меньше притеснений от собственных князей, нежели от правления властителей Золотой Орды. Такие социальные

категории населения в Древней Руси, согласно «Русской Правды» как челядь, холопы, смерды, изгой, и т.д. существовали и раньше, и они не появились после прихода татаро-монголов. Но с приходом степняков в общественную жизнь вошли другие социальные модели.

История о посольских и дипломатических связях Улуг Улуса с мамлюкскими султанами Египта, о приёме послов францисканских миссий также важна. «Послам категорически было запрещено брать с собой оружие, для очищения их проводили между двумя кострами. Этот обряд, кстати взят из древних тюркских традиции, – считается, что огонь очищает душу и внутренний мир, снимает порчу и тяжёлое бремя». Это тюркская традиция очищения огнем хорошо описана в трудах востоковеда Ч.Ч. Валиханова (Валиханов, 1904). В Улуг Улусе происходили приемы послов, общепринятые протоколы приема и их особенности у золотоордынских ханов, как например, посол должен был встать на одно колено, или на обе колени. Известна история расправы хорезмшаха с послами Чингиз-хана, ставшее началом и предпосылкой военных походов Чингиз-хана. И ещё раз такая история с убийством послов получилось уже при Хулагу, известном по казахским эпическим преданиям, как Алеуке, который убил послов от Берке хана, и нарушил, тем самым, дипломатические правила. Можно было бы включить какие-то переписки между Тохтамысом и Эмиром Тимуром, и другие документы (Миргалеев, 2003).

История Улуг Улуса позднего времени, до времени его окончательного распада, включая рассмотрение экономики, хозяйства, быта и социума, правителей этого периода Мамай и Узбек хан. Урусхан (Акнияз) – предок казахских ханов, Хан Токтамыс и эмир Едиге, Тамерлан и разрушение Улуг Улуса (Золотой Орды). Описание истории целой страны – государства Улуг Улус, его исторических персон и выдающихся личностей, военной организации, традиции политического управления, путей и сообщений, городов и торговли, культурной жизни, мотивы поведения людей и населения в целом. Вопросы локализации ханских ставок Ак Орды и Кок Орды рассматривались в различных публикациях, и приобрёл несколько дискуссионный характер (Сабитов и Кушкумбаев, 2013).

Исторический сюжет известных по историческим источникам фактов, связанных с развитием истории Улуг Улуса, но со включением каких-то новых элементов, новый анализ смыслов, значений и подтекстов специфических терминов и понятий кочевого мира, а также новая оценка роли, места и значения государства Улуг Улус, его экономическое и военно-политическое

воздействие на окружающий мир, которое раньше было трудно свободно анализировать, высказывать, сюжеты военно-политической и государственной, имперской деятельности наиболее видных лидеров Улуг Улуса могут быть также рассмотрены в контексте исторической памяти.

Дискуссия

В данной статье предпринята попытка переосмысления истории Улуг Улуса в контексте тюркских источников *шежире* – исторической памяти казахского народа, которая отложилась в историческом фольклоре, традиции народных пословиц и поговорок, отражающие исторические события времён Чингиз кагана и его потомков, зафиксированные в работах Абая Кунанбаева, Машхур-Жусуп Копеева, Отыншы Альжанова, Шакарима Кудайбердиева, Мухамеджана Тынышбаева, Халела Досмухамедова, и других авторов.

Необходимость такого подхода была продиктована тем, что длительное время казахские исторические источники игнорировались, не признавались, предавались забвению, а личности, которые являлись продолжателями и хранителями этой традиции, сторонниками такой точки зрения подвергались гонениям, политическим репрессиям, преследованиям. Между тем, советская научная историография строила собственную интерпретацию и понимание золотоордынской истории, которая была усеченной, однобокой, порицаемой и в обвинительных тонах, в некоторых позициях подложной, и даже ставилась под запрет или табу для исследователей.

Как бы то ни было, в настоящее время, историческая наука должна принять во внимание весь массив исторической информации, подвергнуть их критическому анализу, и с позиции научной объективности дать оценку их возможностей в реконструкции исторической реальности изучаемой эпохи и событий. В этом отношении для нас важно проследить культурно-исторические связи казахов с другими тюркоязычными и тюркскими по своему происхождению братскими народами, а также их взаимодействий с представителями других народов и конфессий, населявших Евразию.

Хотелось бы, чтобы будущие исследователи данной темы подробнее остановиться на следующих вопросах:

1. Значение истории Улуг Улуса в развитии современной культурной интеграции тюркского мира.
2. Воссоздание истории Великой степи на основе исторической памяти тюркского мира.

3. Подход к данному вопросу на основе ранее мало изученных источников и с позиций различных научных дисциплин.

Исследование темы истории Улуг Улуса в таких направлениях дало бы более продуктивные результаты в условиях современной глобализации и процессов современной интеграции. Это поспособствует отходу от тех конструкций деления, которые были некогда навязаны колониальной политикой Российской империи, преследовавшей цель размежевания единого тюркского сообщества.

Заключение

Таким образом, в изучении истории Улуг Улуса кроме рассмотрения частных вопросов, важен также общий взгляд на исторический процесс, связанный с этим государством. Кроме того, необходимо использовать не только внешние историографии и внешние источники, но и историографии внутренние, и внутренние источники, которые формируют собственное видение своей истории у тюркских народов, основанной на исторической коллективной памяти самого субъекта изучаемой истории.

Список источников информации:

Абзалов, Л.Ф. и др. (2016). *Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Акишев, А.К. (2004) «Сиюйцзи» – «Записки о Западном крае» даоского Учителя Чань Чуня. *Журнал «Тамыр»*, *12*, 52-71.

Алпысбес, М.А. (2021). Рецензия на книгу: «Аяган Б.Г. История Улуг Улуса – Золотой Орды: курс лекций. *Золотоордынское наследие: сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи*, *4*, 321-330. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Алпысбес, М.А. (2004). Чингиз-хан в контексте этнической истории тюрко-монгольских народов (по материалам Рашид ад-Дина и *шежире*). *Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII-XVIII вв.: материалы международного круглого стола*, 215-232. Алматы: Дайк-Пресс.

Андреев, И.Г. (1998). *Описание Средней Орды киргиз-касаков*. Алматы: Ғылым.

Аяган, Б.Г. (2020). *История Улуг Улуса – Золотой Орды. Курс лекций*. Алматы: ТОО «Литера – М».

Аяган, Б.Г. (2014). *Рассветы и сумерки казахской степи*. Алматы: ТОО «Литера-М».

Валиханов, Ч.Ч. (1904). *Сочинения Чокан Чингизовича Валиханова.* Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов.

Веселовский, Н.И. (1922). Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. *Записки РАН по отделению исторических наук и филологии*, *13*, *6*. Петроград.

Кадырбаев, А.Ш. (1992). *Казахстан в эпоху Чингиз-хана и его преемников. XII-XIV вв.* Алма-Ата: Гылым.

Кадырбаев, А.Ш. (1990). *Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв.* Алма-Ата: Гылым (Наука).

Кадырбаев, А.Ш., Сыздыкова, Ж.С. (2017). К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды. *XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции*, 54-65. Москва: ООО «Издательский дом "Медина"».

Кляшторный, С.Г., Султанов, Т.И. (2009) Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Көпеев, М.Ж. (1993). Атасының аты білінбей өзі аты шыққан ерлер. *Ақ-Орда.* - *№ 2.*

Көпейұлы, М.Ж. (1993) *Қазақ шежіресі. Дайынд. С. Дәуітұлы.* Алматы.

Кудайбердиев Ш. (1990) *Родословная тюрков, казахов, киргизов и династии ханов*. Перевод Б. Каирбекова. Алма-Ата: Жазушы: СП «Дастан».

Кумеков, Б., Султанов, Т. (1974). Вклад русских и советских ученых-востоковедов в изучение средневековой истории Казахстана. *Известия АН КазССР. Серия общественных наук*, *2*, 14-23.

Кунанбаев, А. (2018) Несколько слов о корнях происхождения казахов (Перевод с казахского М. Султанбекова). В кн.: Кунанбаев, А. *Сочинения. Том. 2.* Астана: Фолиант. С. 242-247.

Маргулан, А.Х. (2007). *Сочинения. Казахский народный эпос.* Т. 3. Алматы: «Алатау».

Миргалеев, И.М. (2003). *Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана.* Казань: Алма-Лит.

Сабитов, Ж.М. (2015). «Золотая Орда – «падчерица» казахстанской историографии». *Молодой учёный*, *24* (104), 842-851.

Сабитов, Ж.М., Кушкумбаев, А.К. (2013). Улусная система Золотой Орды в XIII-XIV веках: к вопросу локализации Ак-Орды и Кок-Орды. *Золотоордынское обозрение*, *2*, 60-72.

Сейфуллин, С. (2007). *Шығармалары. 7-ші том.* Алматы: «Қазығұрт» баспасы.

Султанов, Т.И. (2006). *Чингиз-хан и чингизиды. Судьба и власть.* Москва: АСТ.

Утемиш хаджи. Чингиз-наме (1992). Факсимиле, перевод, транскрипция, примечание, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой. Алматы.
Утемиш хаджи. Кара таварих. Факсимиле (2019). Подготовка к изданию И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова. Казань.